

Молодежные развлечения

Жизнь молодежи русского населения Южного Урала (территория современных Оренбургской и Челябинской обл.) в свободное от работ время, как и повсеместно в России, включала совместное времяпрепровождение парней и девушек равно и их раздельные гуляния и развлечения. Встречи и общение холостой молодежи были направлены на перспективу их более близкого знакомства, чтобы в дальнейшем сформировать супружескую пару. Сугубо девичьи или мужские сходы призваны были способствовать единению молодежи внутри половозрастной группы, что имело ритуальное и общественное значение. Среди сверстников молодые люди имели возможность продемонстрировать те свойства и качества, которыми должны были обладать, по представлению общества, юноши и девушки в определенном возрасте, чтобы их могли оценить посторонние; это несомненно влияло на формирование общественного мнения и положение девушки или парня в глазах общины.

Такая традиционная картина досуга молодежи была характерна для большинства поселений Южного Урала вплоть до 1960-х гг., а в некоторых районах и до 1970-х гг. Материалы, которые позволяют об этом говорить, собирались в ходе экспедиционного обследования Оренбургской и Челябинской областей в 2002–2011 гг. В основном эта информация относится к 1920–1970-м гг. Более ранний период, конец XIX — начало XX в., предстает по данным печатных источников и редких сведений, которые передавали старожилы со слов своих старших родственников.

В молодежную группу сельской общины входили молодые люди предбрачного возраста, то есть 16–23 лет; в каждой локальной

традиции возрастные границы могли варьировать в пределах 1–2 лет. Обычно выделяли две возрастные группы молодежи. Одну из них составляли более юные её представители от 14 до 16 лет, в другую входили парни и девушки с 17–18 лет и до женитьбы или замужества. Настоящей молодежью — «взрослой» — считались те, кто, с народной точки зрения, уже был готов вступить в семейные отношения. Именно им уделялось всеобщее внимание, и именно они выступали законодателями моды. Этот принцип деления молодежи на группы проявлялся обычно во время гуляний. Если в зимний период каждая возрастная группа собиралась отдельно от другой и вела вечер самостоятельно, то во время уличных гуляний, когда присутствовали представители всех возрастов, младшие должны были уступать место старшим и зачастую исполнять роль зрителей. К молодежи причисляли также подростков — девочек и мальчиков в возрасте от 10 до 13–14 лет, эта возрастная категория воспринималась обычно как подготовительная по отношению к двум другим группам. Тем не менее организация их досуга соответствовала традиционным формам общения молодежи, и подростки старались полностью копировать поведение, развлечения и забавы своих старших братьев и сестер и их ровесников.

В этнографической литературе собрания молодежи принято разделять на весенне-летние и осенне-зимние, а также праздничные, обрядовые и будничные, кроме того, проходящие на открытом пространстве или в закрытом помещении, с работой во время собрания или без работ. Несомненна взаимосвязь сезонности и места проведения гуляний, характерная в целом для русской традиции: осенью и зимой молодежь собиралась в отапливаемых помещениях, весенне-летние гуляния, как правило, проходили на улице. Хотя известно, что во многих местностях Южного Урала и летом молодые люди собирались в жилых домах, как это было, например, в Первомайском районе Оренбуржья, возможно, это было обусловлено жарким климатом.

На молодежных сходках звучали музыка и песни (в том числе частушки), на них водили хороводы, плясали и танцевали, играли в различные игры — подвижные, состязательные, поцелуйные, домашние, азартные, могли загадывать загадки, заниматься рукоделием, устраивать трапезы с хмельными напитками или без них, проводить ночевки, обходы домов соседей, драки и кулачные бои. Такие развлечения как пение песен, пляски и танцы были характерны практически для любого вида молодежного собрания, другие способы развлекаться встречались только во время уличных гуляний, например, хороводы, третьи — драки — были

присущи лишь мужской части молодежи, четвертые — обходы домов — относились к обрядовым действиям. В некоторых забавах принимали участие все присутствовавшие, в других — лишь отдельные представители молодежи. Следует упомянуть еще об одном развлечении молодежи — «погрызть семечки». По словам наблюдателей, благодаря этому излюбленному занятию под вечер на месте молодежного сбора возвышались кучи шелухи.

Музыкальным сопровождением молодежных собраний была игра на гармонии, балалайке, ложках. Музыкант являлся одной из самых важных фигур на гуляньях молодежи как в домах, так и на улице, в праздничный день и в будни. Гармонистами и балалаечниками были в основном парни. Они самостоятельно обучались игре на музыкальных инструментах, а сами инструменты, представлявшие дорогой для сельского жителя предмет, получали от родителей и старших братьев по наследству, могли приобретать в городах, специально зарабатывая на дополнительных работах, или, значительно реже, делали сами. Приход музыканта означал начало веселья: «Гармонист придёт, дак уж какая тут пряжа!» — говорили в деревнях. Некоторые девушки также умели играть на балалайке, владели и навыками игры на деревянных ложках. Поэтому когда парней-музыкантов не было, девушки вынуждены были развлекать себя сами, однако всегда старались устроить так, чтобы музыкант на гулянье обязательно был.

В молодежной среде существовали определенные термины для обозначения представителей противоположного пола: парни «за глаза» называли девушек «девки», а при обращении к ним — «барышни», парни для девушек слыли «кавалерами». В некоторых местностях существовали особые названия для парней, выделяющихся своей внешностью, поведением, качествами. Так, в поселках Усть-Уйский и Тимофеевский Челябинской области красивых щеголеватых парней, отличавшихся смелостью и проворством, проявлявшихся обычно в драках, называли «парижанами». О них были сложены частушки:

Я мальчишка парижан,
Состоянья бедного;
У меня кинжал хорош,
Рукоятка медная¹.

При образовании пары термины, используемые для обозначения каждого из влюбленных, отличались по местностям; нередко со временем на смену одному термину приходил другой. Любимую девушку называли «милка», «духанечка», «шмара», «захтепка», «застепа», «любаночка», любимого парня — «кавалер», «захтеп», «застепа». Про сложившуюся пару в народе говорили:

«они дружат», «они играют». В некоторых местностях и для соперниц были придуманы словесные обозначения, например, «грубьяночки».

Осенне-зимние собрания в избах

Молодежные собрания в жилых помещениях в холодное время года в разных местностях Южного Урала были известны под названиями «вечёрки», «вечеринки», «вечера», «вечерушки», «посиделки», «посиденки», «поседки» («посидки»), «попрядухи», «супрядки»; эти наименования в целом являются общерусскими. Известны и специфичные термины, встречаемые в местных локальных традициях. В казачьих поселениях Сакмарского района Оренбургской области сходки молодежи в домах называли «сиделки», в селе Дедуровка Оренбургского района — «спансы», в селе Никольское того же района — «кильдимы», на границе Пономарёвского и Шарлыкского районов — «курагоды» («карагоды»), в поселке Тимофеевский Еткульского района Челябинской области — «денники», в селе Краснинском Верхнеуфалейского района Челябинской области — «хороводы»^{*}.

Традиционно было известно два вида домашних собраний — с работой и без работы. В ряде местностей отмечено различие в терминах, употреблявшихся для их обозначения. В Дзержинском районе Оренбургской области собрания молодежи с работой назывались «посиделки», а без работы — «вечёрки». В Еткульском районе Челябинской области с работой сходились на «попрядухи», для веселья — на «посиделки»; молодежные сходки же на Святках здесь носили название «вечёрки»². В Пономаревском и Шарлыкском районах Оренбуржья термин «попрядухи» также чаще использовали для сходов с работой.

Предпосылками для начала проведения домашних посиделок считали уменьшение светового дня, окончание полевых работ, наступление холодов. Так, объясняли, что посиделки собирались «как только становилось темно» или как «вечера становились длиннее». Те, кто ориентировался на цикл сельскохозяйственных работ, утверждали, что «вот заканчиваются полевые», «после мотыбы» или «как картошку соберем», тогда и «начнет молодежь веселиться». Многие связывали начало сборов молодежи по избам с погодными условиями — «как холодно станет». Устраивать посиделки в домах прекращали, «когда становилось тепло и светло».

^{*} Далее в тексте в качестве общего термина для наименования собраний молодежи в жилых помещениях используется название «посиделка».

Временной границей между посиделками в домах и уличными гуляньями служили и праздники — Пасха и Покров.

Молодежные сходы в домах могли проводиться практически каждый день в течение осенне-зимнего периода. Запреты на проведение посиделок касались в основном постов, особенно Великого поста, и канунов больших праздников. Эта традиция в некоторых местностях сохранялась до войны и даже чуть позже. Устраивать посиделки в указанное время молодым людям запрещали родители — «старики», их поддерживали и хозяева домов, также не соглашавшиеся в эти дни сдавать избы под гулянья. В некоторых местах посиделки во время поста разрешались, но «без песен и плясок». В этом случае «музыка не играла», девушки работали, а если и допускались игры, то только состязательного характера. Лишь на исходе 1930-х гг., а местами и позднее, девушки и парни, несмотря на запреты родителей, стали не просто собираться во время постов, но веселиться и даже играть в карты, которые прежде были категорически запрещены. Существовавшего издавна запрета на проведение по домам гуляний с песнями и плясками молодежь придерживалась в те годы только в кануны праздников, а также на Страстной неделе.

Суточное время сбора молодежи зависело от того, с какой целью устраивалась посиделка. Рабочие посиделки могли начинаться с утра и длиться целый день, сходки развлекательного характера собирались обычно ближе к вечеру. Такие названия как «вечера», «вечерушки» и «денник» указывают на время их проведения.

Чтобы устроить молодежную посиделку, необходимо было найти помещение для ее проведения. Существовало три способа получения жилья для гуляний, как правило, они были связаны с видом молодежного собрания — с работой или без работы, а также зависели от местной традиции. Чаще всего помещение для посиделок снимали в доме у небогатых соседей, одиноких стариков или вдов. Несмотря на шум и неудобства, доставляемые приходом молодежи, хозяева соглашались «пускать девчат», так как это давало им необходимое вспомоществование для содержания жилища. Участники посиделки приносили с собой кизяк и дрова, используемые для отопления, керосин — для освещения, перед собранием и после него девушки проводили уборку той части помещения, в которой намечалась посиделка, или, по договоренности, всего дома. Нередко другой оплаты за «съём квартиры» (избы, дома), как говорили в сельской местности, не предусматривалось. Однако, во многих местах платежи за аренду помещения под посиделки производились, то есть «дом откупали». Например, хозяевам платили деньгами или продуктами — картофелем, мясом, зерном (пшеницей),

пряжей или нитями, выработанными во время посиделки. Деньги обычно платили парни, натуральную оплату осуществляли девушки. В середине 1920-х гг. в поселке Тимофеевский Челябинской области за аренду дома на одну вечерку — праздничную посиделку во время Святков — требовали от 1 до 3-х рублей, причем заранее, хозяева боялись, что парни могли не заплатить после³. Количество принесимого продукта нередко оговаривалось: «стакан пшеницы», «моченицу [пряжу], или вьюшку напрядь». Кроме того, молодежь договаривалась отработать на хозяев, предоставивших своё жильё для посиделки: летом на сенокосе или в поле, на наделах, на огороде, причем в определенные дни или определенное количество часов. В селе Раздольное Илекского района Оренбуржья за съём и оплату «квартиры» отвечали родители девушек.

Обязанности по организации сходов в жилых помещениях лежали на женской части неженатой молодежи, отсюда и распространенная практически повсеместно присказка «посиделку держат девушки». Они, как правило, проводили переговоры с хозяевами, являлись основными плательщиками — приносили кизяк или дрова, продукты, подготавливали и убирали помещение после посиделки. Иногда устанавливали очередность: каждая девушка в назначенный день обязана была обеспечить посиделку отоплением и освещением, а затем убрать помещение после окончания вечера. Парни арендовали «квартиры» обычно на праздничные посиделки, которые оплачивали деньгами. Так было, например, в селе Кардаилово Илекского района Оренбуржья и в поселке Тимофеевский Еткульского района Челябинской области; реже деньги на посиделку наряду с парнями давали девушки.

Другим способом получить помещение для сходов молодежи являлось проведение посиделок в домах девушек. Очередность проведения молодежных собраний в домах девушек устанавливалась заранее. В этом случае обязанность отопления и освещения жилья для гулянья лежала на парнях: «Ребята отапливали: кто кизяк принесёт, кто немножко дров принесёт. Керосин — лампы тогда ж были — ребята в основном приносили. Девушки бесплатно [приходили] вроде»⁴. В некоторых местностях посиделки в домах девушек представляли собой званые сходы. В Еткульском районе Челябинской области было принято, чтобы каждая девушка в назначенный день приглашала к себе подруг, а те, в свою очередь, оповещали о дате сбора своих парней. Известны случаи, когда девушки, пособиравшись по домам подруг, затем договаривались проводить посиделки в одном из них, в том, который признавался всеми как наиболее удобный для гуляний, конечно, при согласии хозяев. В селе Краснохолм Дзержинского района Оренбуржья

чаще всего посиделки проходили в одном из самых больших домов поселения, где жили четверо незамужних сестер-погодок, участниц посиделок.

Кроме того, девушки небольшими группами собирались в соседских домах или домах близких либо дальних родственниц, которые специально приглашали их для оказания помощи в обработке и прядении нитей, вязании и шитье. Так поступали женщины, в семье которых не было девушек, девочек, или их было мало, или им не хватало времени на эти занятия. Такие собрания в Еткульском районе Челябинской области, на пограничье Шарлыкского и Понамаревского районов Оренбургской области носили название «попрядухи».

В конце XIX — начале XX в. был отмечен обычай присутствовать на посиделках семейным людям, например, женщины с работой «сидели» либо «рядом с девицами на лавках», либо в соседней комнате и наблюдали за молодёжью. В среде уральских казаков Илекского и Ташлинского районов Оренбургской области рассказывали, что девушка могла ходить на посиделки только в сопровождении взрослого члена семьи, как правило, женщины (например жены брата) или неженатого брата. Этой традиции придерживались здесь до 1930-х гг. В других местностях уже в 1920-х гг. молодёжь избегала присутствия старших на домашних сходках. Известно, например, что девушки старались собираться в домах тех подруг, родители которых временно отсутствовали; «сидеть» при старших они «очень стеснялись».

В традициях населения Южного Урала конца XIX — первой половины XX в. можно выделить два вида домашних посиделок с работой. В одном случае сходились только девушки и все время посвящали работе; во втором, девичьи работы приходились на первую половину посиделки, завершалась же она обычно веселыми развлечениями, на которые сходились и парни.

К посиделочным работам относили прядение нитей, вязание, шитье, вышивание, то есть так называемое «женское рукоделие», владение которым являлось предметом гордости каждой девушки. Отправляясь на посиделку с работой, девушки брали с собой необходимый инвентарь: прялки или самопрялки, веретена, крючки, иглы, пяльца, спицы. Традиционно самой характерной работой на посиделках считалось прядение пряжи. Во второй трети XX в. девушки на посиделках стали чаще вязать варежки, носки, шарфы, вышивать скатерти-филейки, платки; нередко одновременно продолжали прясть. Парни, приходившие на рабочие посиделки, как правило, уже под вечер, имели возможность оценить работоспособность и качество рукоделия девушек.

На каждый вечер девушка обычно получала конкретное задание от матери, которое должна была обязательно выполнить. «Мать зайдёт и приказывает, сколько навязать. А то чё? Идёт она с чулком или варежкой — и придёт ни с чем, надо штоб она там работала!»⁵. За невыполнение «плана» родители могли оставить дочь дома и не пустить на следующие посиделки.

Сугубо рабочие посиделки были немногочисленны, на них собиралось от 2 до 5 участниц. С целью поработать — попрясть или повышивать — девушки сходились в доме у одной из подруг, соседок или родственниц. В этом случае компании собиравшихся девушек были, как правило, постоянны. К ним могли присоединяться лишь гостившие у кого-нибудь из участниц родственницы. Некоторые женщины приглашали знакомую девушку к себе домой, чтобы та помогла хозяйке в женских рукодельных работах, чаще всего в прядении пряжи; по договоренности девушка приводила с собой двух-трех подруг. Приглашенные приходили со своими прялками, а материалом для работы их обеспечивала хозяйка. За выполняемую работу девушек-работниц угощали различными блюдами.

Посиделки с работой проходили только в будни. Их собирали с утра, и они могли длиться до середины дня или до позднего вечера, иной раз под них отводилась вторая половина дня. Иногда во время работы компанию девушкам составляли еще старики и дети. Девушки пели песни, слушали песни старших женщин, здесь же звучали рассказы стариков о прежних временах, загадывались загадки. Работа порой прерывалась играми; важное значение на девичьих сходках имели испытательные игры (см. ниже).

На рабочие посиделки к своим девушкам заглядывали их ухажеры. Они либо подсаживались каждый к своей подруге и развлекали их разговорами, либо, собираясь небольшой компанией, устраивались у стола и играли в карты. Общась с девушкой, парень по обычаю присаживался к ней на колени или на лавку рядом с ней, или с другой стороны прялки. Если девушка была сильно занята работой, парень сидел тихо, стараясь не отвлекать ее: «Робята сядут рядом у прялки — глядят», — объясняли девушки. Однако чаще парень заводил с подругой разговор и разными способами старался привлечь её внимание. «То балагурит, то иголку выдернет, то пряжу спутает», — жаловались девушки. В то же время они были совершенно не против этих выходов, так как считали, что таким образом парень выказывает свой интерес к ее персоне.

Посиделки, сочетающие работу и развлечения, проходили в «снятых квартирах» или в домах девушек. На них, как и на

праздничные гулянья, обычно собиралось значительно больше народу, чем на чисто рабочие посиделки, хотя нередко состав и число участников компании не изменялись. О таких посиделках в челябинских деревнях говорили: «Посиденки — ноги да зенки», — это означало, что пришедшему на посиделку в одинаковой степени понадобятся и ноги — для плясок и танцев, и глаза — для работы⁶. В ряде случаев и хозяйки, приглашавшие к себе девушек-работниц, соглашались не только на приход парней в их дом, но и на веселое времяпрепровождение молодежи, с оговоркой, что для развлечений отводится только вечер. Вот как описывал в 1926 г. М. Д. Голубых попрядухи в поселке Тимофеевский Еткульского района: «Не все устраивают попрядухи, большинство старается обработать лен и конопель силами членов своей семьи. И только те, у кого конопля и льна бывает много, а рабочих рук не хватает, устраивают попрядухи. Попрядухи начинаются с утра. Во время попрядухи хозяйка угощает всех работниц пирогами, самогоном. Угощение заменяет денежную плату. На попрядухи приглашаются только одни девицы. Днем на попрядухе царит трудовая дисциплина, но к вечеру, когда девицы устанут от работы, на попрядухи являются парни с гармоникой и работа сменяется весельем. Но парней ни хозяйка дома, ни участницы попрядухи ничем не угощают. Парни танцуют с девицами, шутят, а потом, поздней ночью провожают девиц по домам»⁷.

В небольших поселениях и на хуторах все парни и девушки собирались в одном месте. В больших селах Южного Урала, где проживало и большое количество молодежи, проходило обыкновенно несколько сходок. Как правило, в одном доме собирались от 10 до 15 девушек, они были ровесницами и проживали недалеко друг от друга или, реже, были связаны родственными узами. Состав таких компаний девушек был постоянным, они носили названия: «артёлки», «карагоды», «кульдимы», «курмыш», «посиделки», «посидки», «хороводы», «шайки». В некоторых местностях каждая из них имела специальное название, которое получали, например, от наименования той части поселения, где проходила сходка (и стало быть все девушки жили там), или от возраста девушек посиделки, или от какой-нибудь особой черты внешности, что приписывалась всем собравшимся. Так, в 1930–1950-е гг. в селе Черноречье Оренбургского района (инкубатором) называли группу самых молодых девушек — девочек-подростков, «чубчики» («чупаны») — посиделку, все девушки которой носили короткие челки. В селе Краснинское Челябинской области каждый хоровод имел имя-кличку: «разведенки», «сиделки», «рыжи», «голуби», «дикие козы», «свиньи», «коровы», «мартышки».

Поскольку музыкантов было немного, то главная задача девушек — завлечь на свою посиделку гармониста или балалаечника, так как в случае их отсутствия девушкам самим придется играть на музыкальных инструментах. Иногда парень, владеющий музыкальным инструментом, получал несколько приглашений, в этом случае он по очереди обходил дома, где собирались компании девушек. Не менее важным считалось завлечь на сходку как можно больше парней; это положительно влияло на общественное мнение, складывавшееся у односельчан о девушках-участницах той или иной посиделки.

Парни также объединялись в небольшие компании — «артели», «артёлки», «компании», «шайки» и т.д. За вечер каждая компания парней могла обойти несколько посиделок, обычно старались посетить посиделки ровесниц. Впрочем, парни ходили по посиделкам и в одиночку. Это происходило в том случае, если молодой человек начинал ухаживать за какой-либо девушкой, тогда он старался как можно больше времени провести на той посиделке, где была его подруга.

Иногда девушки незадолго до появления парней прекращали работу и устраивали, например, игры, состязаясь друг с другом в сметливости, физической расторопности и т.д. Иногда они пели и плясали, исполняя и девичьи, и мужские роли. Когда приходили парни, первым «номером» вечера были музыкальные наигрыши, песни, «пляски под песни или под гармонию». В поселке Нижний Уфалей Челябинской области, о начале развлекательной части посиделки оповещал гармонист наигрышем «подгорная», а девушки во время пения вступали друг с другом в диалог.

Первая пела:

Ягодиночка на льдиночке, а я — на берегу,
Брось-ка, милочка, тесиночку, к тебе перебегу.

Запевале отвечала подруга, как бы перебивая её:

Хорошо тебе смеяться, ты стоишь на берегу,
А мне трудно перебраться через быструю реку.

К ним присоединялся и голос третьей подруги:

Эх, ты милочка моя, кого любила без меня,
— Никого я не любила, дожидалась тебя⁸.

После песен начинались пляски и танцы, а затем игры.

Сходки молодежи по домам без работы проводились обычно в выходные дни, в праздники, включая воскресенья. Молодежь собиралась в известный всем дом ближе к вечеру. Начинали по-

сиделку девушки. Пока парней не было, они, как и на посиделках с работой, могли играть в игры, носившие испытательный характер, или в карты. Игры заканчивались, как только на пороге появлялась группа парней. Вечер продолжался плясками и танцами, пением песен и частушек, а затем и играми.

По окончании веселья молодежь расходилась по домам, парни провозжали своих девушек. В некоторых местностях молодежь не расходилась после плясок и игр, все участники посиделки или только девушки оставались ночевать здесь же (см. ниже).

После появления клубов традиция собираться по домам не прервалась. Ещё на протяжении целого поколения молодежь предпочитала наряду с хождением в клуб собираться на традиционные посиделки. Как правило, старинные пляски и игры соотносились с посиделочными собраниями, а более современные танцы — с клубным времяпровождением. Некоторые из посиделочных игр стали обычны и для клубов, но их содержание и характер при этом несколько изменились.

Обрядовые молодежные сходки

На Южном Урале были хорошо известны и обрядовые собрания молодежи, к которым относили предсвадебные, святочные посиделки, «вечера с петухами», «вечера с арбузами».

«Вечера с петухами» проходили в русских переселенческих селах Сакмарского района Оренбургской области: «Осенью всегда, бывало, девки устраивали „вечер с петухами“. Все приходили, каждая девка с собой приносила. И парни были. Каждая девка готовила и приносила. Масло несёшь, сметану несёшь, блины испекёшь, — несёшь, крупу несёшь, мясо (петухов) несёшь. А ребята берут бутылку на двоих: на себя и на девчат. А девчата готовят с петухами. Собирались на кухне где-нибудь, просились к кому-нибудь. Пускали все. Готовили днём, а вечером гуляешь. Наготовишь — пойдёшь. Пойдёшь — понесёшь»⁹. Особенность этого вечера, его отличие от других состояла в специально приготовленном угощении из молодого петуха, наличии алкогольных напитков — вина, водки — и совместной ночевке парней и девушек. Этот вечер проводился осенью, как правило, в сентябре месяце.

Там же, у переселенцев Сакмарского района Оренбуржья, молодежь собиралась еще на один особый вечер, который называли «вечорка с арбузами». Посиделку с таким названием собирали в период вызревания арбузов. Девушки и парни, предварительно договорившись, приносили туда первые арбузы.

Весенне-летние гулянья на улице

Летние сборы молодежи на улице практически повсеместно носили название «гулянья»; из специфических можно отметить названия «посиделки» («посиденки»), «половинки», «лавочки» в поселках Тимофеевский и Краснинский Челябинской области; в Сакмарском районе Оренбургской области в народе говорили, что летом девушки и парни «собирались кругами».

Местом сбора молодежи летом считалась небольшая территория внутри поселения, в центре, у общественных (например школы) или хозяйственных («у амбара») зданий, у какого-либо дома, обладающего определенной спецификой — наличием площадки перед фасадом и т.д. Присмотренное для гуляний место обычно обустроивали: делали площадку для плясок и танцев, утрамбовывая земляную поверхность, стаскивали брёвна или ставили скамейки и лавки для сидения. В казачьем селе Рассыпное Илекского района Оренбуржья расчищенную площадку называли «тачок». Иногда молодежь выходила за пределы своего поселения: на берег реки или в луга. Здесь водили хороводы, плясали, танцевали, играли, пели песни. Наиболее характерными для летнего времяпровождения были спортивные игры с элементом состязания и хороводы.

Летние гулянья можно разделить на праздничные и будничные, отличались они также по набору действий, по количеству участников, по месту проведения. Особая черта праздничных гуляний состояла в том, что в них всегда участвовали представители всех групп молодежи, а также молодежь соседних поселений. Такие гулянья приурочивались к большим и почитаемым в местной традиции праздникам, реже, к воскресным дням. Они длились нередко с утра до вечера. При этом места дислокации молодежи в течение дня менялись. Для праздничных гуляний были характерны шествия молодежи по селу или поселку.

Шествие по селению представляло собой движение одной большой группы, включавшей всех молодых людей, или нескольких групп, сформированных на основе небольшой артели с постоянным составом участников, подобных артелям на осенне-зимних собраниях в домах. Все участники группы выстраивались рядами и торжественно вышагивали по улице, стараясь не смешиваться друг с другом: каждый знал свое место. В качестве примера приведем описание этой части молодежного гулянья, относящееся к 1926 г.: «Парни и девицы выстраиваются колонной, в несколько рядов и, распевая песни, ходят по улице. Впереди всей группы обязательно идет гармонист. Сзади гармониста идут парни (в рядах),

а за ними, взявшись рука об руку, идут девицы. Никогда в ряды парней не попадают девицы, не случается и обратного»¹⁰.

В середине XX в. в селе Нязепетровском Челябинской области шествие проходило иначе. Девушки собирались на одном конце улице, а парни — на другом. Затем девушки медленно направлялись в сторону парней, а те вместе с гармонистом — в сторону девушек. Обе группы сходились на площади или на плотине, где и разворачивалось общее гулянье, начинавшееся с состязания девушек и парней в пении частушек, которые называли «походеньки».

Поздней весной, обычно после Пасхи, и летом молодежь собиралась на улице компаниями почти каждый день. Начинались уличные гулянья в послеобеденное время. Девушки водили хорорыводы, играли в такие игры как «горелки» («разлуки») или «коршун», основанные на состязании в беге. Для парней в данное время были свойственны игры в мяч, чушки, в свайку, чиж и другие командные игры «на победу»¹¹.

Ближе к вечеру молодежь группировалась в небольшие компании (основой которых являлись всё те же девицы «артёлки», «карагоды», «кульдимы», «курмыш», «посиделки», «посидки», «хорорыводы», «шайки») в той части поселения, где участники компании проживали. В этом случае, как и на зимних вечерах, вечер начинали девушки, а затем к ним подходили парни. Сценарий некоторых летних вечеров был аналогичен развлекательным зимним посиделкам.

В поселке Благовещенский, в 40 верстах от города Оренбурга, девушки и парни летними вечерами собирались на окраине поселения у запасных общественных магазинов. Здесь они ожидали возвращения табунов домашних животных с выпаса, чтобы пригнать своих животных домой. Такие собрания называли «перед табунами». Д. К. Зеленин, описавший их, отмечал, что «перед табунами» — это «своего рода клуб», где молодые люди знакомятся, общаются друг с другом, иногда устраивают игры. По праздничным дням здесь звучат песни и под звуки гармони устраиваются пляски¹².

Песенный репертуар

В конце XIX — начале XX в. в казачьей среде песни разделяли на несколько типов. В поселке Благовещенском это были песни «матани» и «протяжные» песни. Матанями в некоторых местностях Оренбуржья называли частушки. Их, согласно записям известного русского этнографа Д. К. Зеленина, побывавшего в поселке Благовещенский и собравшего там этнографический материал, — сочиняли и пели только парни. Впоследствии частушки на долгое

время, почти на весь XX в., стали одним из любимых жанровых музыкальных произведений деревенских жителей. Но в те времена девушки в отличие от парней — сообщал Д. К. Зеленин — всегда пели только так называемые «протяжные» песни¹³. В других местах проживания оренбургских казаков протяжные песни были очень популярны у всех слоев населения. На общих собраниях и гуляниях, так же как и на молодежных, казаки всегда начинали петь протяжные песни, а затем уже переходили к песням-припевкам. Припевки — «веселые и удалые» песенки запевал один человек, самый голосистый, а потом уже подхватывали все¹⁴.

В 1920–1930-е гг. частушка постепенно вытеснила другие жанры народной песни. Сочиняли и исполняли частушки и девушки, и парни. Так, до прихода гармониста девушки обычно пели хором:

Плачут все со мной деревья,
Горько слезы льют,
А по небу быстро тучи
Черные плывут.

Ох, тоска моя, кручина!
Горька судьба!
Сердце ноет от печали
Жизнь мне не мила¹⁵.

Любовные частушки:

Парижан мой парижан,
Рубашонка красная,
Об тебе, мой парижан,
Болит сердце напрасно¹⁶.

Девочки, девчоночки,
Пойдемте на вечерочки,
А с вечерочки потом
Провожать мы вас пойдем.

Я у шмарочки на лавочке
Просился ночевать,
Дорогая моя шмарочка,
Никто не будет знать¹⁷.

Нередко пение частушек представляло собой своеобразные состязания. В других местностях это были перепевки девушек и парней. В селе Нязепетровское Челябинской области девушки

и парни в начале летнего вечера на улице «просмеивали» друг друга частушками. Парни обращались к девушке следующими словами:

Милая сартяночка,
Сшей-ка мне портяночки.

Девушки отвечали:

Кудрявата елочка —
У милого — челочка.

Парни:

Низовские девки модные —
По три дня сидят голодные.

Девушки:

Колька, Колька, пляши польку,
Я на ножки погляжу
Да веревкой первяжу¹⁸.

Пляски и танцы

Пляски и танцы считались неременной составляющей развлекательной части молодежных собраний особенно по праздникам. Нередко под пляски и танцы отводился целый вечер — это бывало по праздникам — или же эти развлечения были частью молодежного гулянья. В этом случае плясать и танцевать начинали после исполнения песен.

В Оренбуржье и на территории Челябинской области во второй четверти XX в. были популярны пляски «чумаки», «вприсядку», «ланце», «барыня», «цыганочка», «круговая», «улощная», «сербианка» и т.д. Основной элемент пляски — выбивание дробы ногами, как правило, под балалайку и гармонию, а также под ложки. Пляски могли быть одиночными, парными или групповыми, в которых участники все равно делились на пары. Некоторые из них исполнялись только в домах, другие были характерны для уличного гулянья. Были известны пляски, в которых участвовали только парни или только девушки. В парных или групповых плясках участники нередко состязались друг с другом, стараясь «переплясать» товарища, тем самым продемонстрировав всем собравшимся свое умение и некоторые физические возможности.

Пляски под одним и тем же названием, бытовавшие в разных местностях, нередко имели некоторые различия. Так, в Илекском районе Оренбуржья «цыганочку» и «барыню» плясали девушки «по одной»: «Это выходишь на середину, играют, я, например,

пляшу и топаю другой... Я к ней [в пляске] подхожу, кланяюсь вот так [в пояс] и топаю ногой. Она выходит, а я на её место сажусь. Она пляшет и к другому идёт»¹⁹. А в Нижнем Уфалее Челябинской области в 1920–1930-е гг. девушки и парни «„в круговую” плясали. „Улушную” плясали. Гармошка играет под песни, вот девки и пляшут — по кругу ходили, а называлась „улошная”. Парни плясали „барыню”»²⁰. Разделение плясок на мужские и женские отмечалось во многих местах. Пляска «сербиянка» в Челябинской области была известна как девичья: «Девка одна выходит, пропела, проплясала, вторая выходит, и третья. Пока парни не уйдут. Парней „сербиянку” мало плясали, всё девушки». Пляски и танцы могли включать игровой элемент и представлять собой, по сути, игру с плясовыми и танцевальными движениями. Среди таких плясок, известных в Оренбуржье, назовем «чумака». Её исполняли девушка и парень. Девушка на время пляски набрасывала себе на лицо платок, парень при активном сопротивлении партнерши старался ее поцеловать через платок. Если ему это удавалось, то девушка должна была ответить ему поцелуем же²¹. Пляски могли соприождаться пением.

Жители уральских деревень четко отличали танцы от плясок, танцы пришли в деревенскую традицию из городской и очень быстро распространялись, начиная со второй четверти XX в.; хотя в разговоре все равно часто употребляли термин «плясать» по отношению к танцам. В народе знали и исполняли такие танцы как вальс, краковяк, фокстрот, польку (уральскую полечку), подиспань, кадрили, подгору и пр. Танцевали в основном под гармонь. Во многих местах было принято начинать танцы после плясок. Со временем, уже во второй половине XX в., танцы постепенно вытеснили из деревенской праздничной культуры пляски. Нередко, в ряде случаев уже в последней трети XX в., и танцы называли «плясками» и употребляли термин «плясать» по отношению к исполнению указанных танцев. Танцы также могли быть одиночными и парными, девичьими и мужскими. Так, в ряде мест польку танцевали только девушки.

Популярная во многих местностях кадрили считалась парным танцем. Этот танец, как правило, дополнялся еще каким-нибудь действием. Например, для исполнения танца выбирался ведущий. Его роль заключалась в том, что в определенные моменты он выкрикивал слова-знаки, после которых менялись фигуры. Окрик ведущего: «Турне» означал поворот танцующих пар и движение их в обратном направлении. Смена движения пар и фигур происходила после слов: «Лебедем! Пара за парой!»

Хороводы

Хороводы были важной составляющей летних гуляний молодежи в XIX — начале XX в. Они начинались после Светлого Христова воскресенья и продолжались до праздника Св. Троицы, затем водить хороводы временно прекращали до Петрова дня. По сообщениям наблюдателей в середине XIX в., хороводы «потом опять возобновляются и продолжают до Госпожинок, где снова прерываются, и с Успеньева дня молодежь опять начинает веселиться и хороводы продолжают беспрерывно до наступления темных вечеров...». В хороводах участвовали только девушки. Для «игры» в хороводы они собирались в послеобеденное время, иногда каждый день²². Хороводы чаще водили за пределами поселения: в лугах, на берегу реки и т.п.

К середине XX в. в молодежной среде уже не вспоминали о хороводах, в них, по мнению молодых, играли уже очень давно.

Игры

В домах игры обычно затевали к завершению молодежных посиделок. Среди традиционных посиделочных игр — поцелуйные игры, игры с выбором и сменой пары, игры с отгадыванием, игры со спортивными и состязательными элементами, а также азартные игры. Любовную тематику отражают игры с такими названиями: «В ремень» («Ремень»), «Ремень бросают», «В бутылочку», «В почту», «Птенчики», «Бантики», «Голубь и голубка», «Кольцо на лицо», «Сено, солома, овес». Их обязательным элементом были публичные поцелуи парня и девушки. Участников игры было трое: водящий и два главных действующих лица — парень и девушка, остальные были зрителями. Согласно правилам, игроки получали от водящего задание, например, ответить на вопрос, отгадать загадку, выполнить какое-нибудь действие. Если они справлялись с заданием, то парня и девушку «заставляли» целоваться, если нет — их место занимала другая пара. В этих играх поцелуй рассматривался одновременно и как награда образованной на время паре, и как испытание для неё же, которое необходимо было преодолеть на глазах у сверстников.

У казаков села Соболево Первомайского района Оренбургской области была распространена игра «Голубь и голубка». Девушка и парень садились на стулья спиной друг к другу. По команде водящего они должны были повернуться на стуле в одном направлении, чтобы оказаться лицом друг к другу, в этом случае они выигрывали. Если же они поворачивались в противоположные стороны, игра считалась проигранной, а ее главные участники в качестве наказания целовали воду. В поселке Краснинский Верхнеуральского

района Челябинской области подобная по содержанию игра носила название «Сено, солома, овес»²³. Девушка с парнем садились на два края лавки, спиной друг к другу. После слов водящего: «Сено, солома, овес» — они должны были повернуться друг к другу; если они поворачивались одновременно и навстречу друг другу, то парень целовал девушку. На молодежной посиделке в селе Кармалка Шарлыкского района, парень и девушка выходили в центр и усаживались на поставленные рядом стулья. Водящий задавал им вопрос, на который необходимо было ответить не только правильно, но и хором. Выполнив задание в точности, молодые люди целовались, в противном случае они расходились по своим местам.

Повсеместно на Южном Урале молодежь играла «В бутылочку». Участниками игры были все присутствовавшие, они становились или садились кругом, положив в центр бутылку, которую один из игроков раскручивал. Парень и девушка, на которых указывало горлышко бутылки при остановке, должны были «целоваться прожег собой».

Практически повсеместно были известны игры с демонстрацией пары влюбленных, но без поцелуев. В таких играх двух главных действующих лиц — девушку и парня — величали соответственно «невестой» и «женихом». Игра под названием «Ремень бросают» проходила следующим образом: «Кто-то бросил ремень: „Иван тонет!“, ну, [имя того] чей ремень. Если у него есть невеста, невеста выходит и вытаскивает ремень. [Потом] Она, значит, [в свою очередь] тоже бросает: „Алексей тонет!“ И ково невеста, Алексея, она и вытаскивает. И вот пока всех пройдут»²⁴.

В игре с похожим названием «Ремень» молодые люди выбирали себе пару для совместной пляски. Если кто-то из игроков не желал танцевать с тем партнером, который ему предлагался, то он и ударял ремнем (отсюда название игры), то есть отказывался. При этом объясняли, что таким образом молодые люди выказывали свои симпатии и узнавали о симпатиях товарищей.

Третий вариант игр с выявлением пары основывался на общественном мнении, которое выражал один из значимых участников молодежной посиделки — водящий или музыкант. «С балалайким сидит парень. Вот он у балалайки играет — какую яму нявесту надо. Вот нявеста подходит к нему, садится. Он сильнее в балалайки играет — значит, она яму не подходит; она уходит к другому. Они опять сильнее играют — значит, не к нему. И пока она до сваго доходит — они прекращают уж это играть»²⁵.

Идея выбора или перебора партнера лежала в основе игры «Ручеек», или «Родничек». В ней участвовало нечетное число людей, например, 15; участники разбивались на пары, а оставшийся

без пары становился водящим — «ведущим». Девушка и парень, взявшись за руки, становились друг за другом и поднимали вверх руки в виде «ворот». Ведущий проходил под «воротами» и выбирал одного из игроков, с которым и образовывал новую пару; они проходили между другими игроками вперёд или назад и вставляли, соответственно, впереди или сзади всех, а оставшийся участник «разбитой» пары становился ведущим. Если ведущим был парень, «то какую девушку ему надо, так он дёрг и собой туда», если девушка — «то парня себе какова»²⁶.

В играх «Почта», «Кольцо на лицо» молодые люди также получали возможность продемонстрировать свои пристрастия, но лично объекту своего обожания, а не прилюдно. Эти игры позволяли предлагать(принимать) «дружбу», начинать(принимать) ухаживания, узнавать об ответных чувствах понравившегося парня или девушки, а также менять партнера или отказать тому, с кем не желаешь общаться, публично не обижая его; все это, безусловно, способствовало формированию брачных пар. Все участники этих игр являлись активными действующими лицами. Игровое действие начиналось с выбора водящего. Далее, в селе Сухоречка Илекского района игра «В почту» происходила так: «Вот сидят все. Я пишу пр́вор кавалеру, он мне пишет, а одна ходит и эти записки передаёт. „Вот, мол, тебе записка от таково-то“. Спрашивает [он]: „Будешь ли со мной дружить или не будешь“, или там: „Я хочу с тобой познакомиться“. Это называлось „почта“. А почтальонка ходила и разносила эти записки. И я потом ему ответ пишу»²⁷. В селе Соболево Первомайского района каждый участник игры «В почту» получал свой номер, затем «по номеркам писали письма парни девушкам, которые им нравятся, а девушки писали парням». Функции водящего — «почтальона», «почтальонки» — состояли в том, чтобы разносить записки от девушек парням и от парней девушкам. Согласно правилам игры, распространённой и в других местах России, водящий не имел права читать записки, но мог заметить, кто кому чаще пишет, и сделать предположения о возможных парах.

В селе Никольское Оренбургского района была записана еще одна игра, во время которой молодые люди тайно высказывали свои симпатии, это игра «Кольцо на лицо». В настоящее время она воспринимается исключительно как детская. Как в наше время, так и в прошлом перед началом молодежной игры выбирали водящего. Затем все участники игры садились и складывали руки на коленях, прижимая ладони друг к другу. Водящий, зажав между своими ладонями принадлежавшее ему кольцо, обходил всех, проводя сомкнутыми ладонями между ладоней каждого

играющего, и оставлял кольцо у того, кто ему больше всех нравился. Игрок, который желал получить заветное кольцо, пытался это сделать любыми возможными средствами. После того, как водящий обходил всех игроков, присутствовавшие старались отгадать, кому досталось кольцо. В молодежной среде считали, что «это твой жених, или твоя невеста — кому кольцо положишь»²⁸.

В молодежной среде на посиделках были популярны и другие игры, которые имели исключительно развлекательный характер и не содержали любовной подоплеки. К ним относятся варианты игры «Ручеек», зафиксированные в селе Соболево Первомайского района, в селе Донское Сакмарского района, в селе Краснохолм Дзержинского района и известные под локальными названиями «Родничек», «Два, третий лишний», «Казачок». Здесь выбор партнера не был основан исключительно на симпатиях девушки и парня. В селе Соболево эта игра в 1930–1940-е гг. носила название несущее несомненный отпечаток времени — «Комсомольский ручеек».

К играм развлекательного характера относились также игры «В колечко» (Сакмарский р-н), «В булавочку», «В ремень» (Илекский р-н), «Испорченный телефон» (Первомайский р-н). Первые две из них проходили так же, как и вышеописанная игра «Кольцо на лицо», в качестве атрибута игры здесь использовали колечко или булавку. Один из вариантов игры «В ремень», зафиксированный в Илекском районе, относится к играм с отгадыванием. В деревне Крестовка вспоминали: «Выгонят кого-нибудь из девчат из избы, а сами загадывают — кто с кем поздороваться должен, с тобой должна Клава здороваться, с тобой — Таня, если я не с тем поздоровалась, а с другим, то меня по заднице ремнем ударяют широкоим»²⁹. Подробных сведений об игре «Испорченный телефон» записано не было, но, по-видимому, ее правила совпадают с правилами широко распространенной позднее одноименной детской игры.

И зимой на посиделках, и летом на улице молодежь любила играть в состязательные игры. Так, среди посиделочных игр в селе Соболево Первомайского района была игра «Третий лишний», в деревне Крестовка Илекского района — «Догонялки», с открытыми и закрытыми глазами; «Догонялки» с завязанными глазами в селе Нижняя Павловка Оренбургского района называли «Жмурки». Если атрибутом «Догонялок» был ремень, которым хлестали догоняемого, игра называлась «Ремня гоняли». Возможно, разные варианты игры, бытовавшие в одной местности под одним и тем же названием или схожим с ним, обусловлены возрастом участников. Если участники были слишком юные или в игре участвовали представители одного пола, то любовно-эротический элемент

отсутствовал, и игра принимала спортивно-состязательный или развлекательный характер.

Игра в фанты — также одна из излюбленных игр молодежи повсеместно. Первоначально играющие выбирали ведущего. Ведущий собирал фанты: платочки, брошки, гребенки и складывал их в шапку. Затем он становился лицом к двери, а другой участник игры, также выбранный компанией, брал из шапки фант и спрашивал у стоящего: «Что этой фанту прикажите?» — «Толочь перец», — слышался ответ. Владелец фанта вставал с места, становился у двери на место ранее стоящего и, топая ногой, приговаривал: «Толку, толку перец. Кого уважаю, того приглашаю», — тот же, кто стоял у двери, садится к девушкам³⁰.

Летом игры — состязания в скорости — «догонялки», «горелки», «третий лишний» занимали важное место среди развлечений молодежи не только на гуляньях. Здесь, в отличие от посиделочных игр, пространственное и временное поле игры значительно увеличивалось: они проходили на улице, на лугу, на берегу реки. Состязаться в скорости молодежь собиралась и днем, если было время, и вечером.

Согласно описаниям второй половины XIX — начала XX в., существовало четкое разделение игр по полу и возрасту. «Обыкновенную игру» девушек летом составляли «Горелки», «Разлуки», «Коршун» и т.п. Парни играли в мяч, в частности, наиболее популярной игрой повсеместно считалась лапта, а также «В чушки», «В свайку», иногда в карты; ребята, не достигшие «жениховой поры», играли в козны, мяч, чиж, жгуты и пр.³¹

В середине XX в. популярные летние состязательные игры с участием парней и девушек включали любовную тематику. Так, в селе Ратчино Шарлыкского района Оренбурбургской области любимой игрой молодых людей были «Женилки». «Там становилась одна линия — девчонок, другая линия — ребят. Друг против друга, ручеек такой — лицом к лицу. Один кто-то — ведущий — водил. Он называет имя [девушки]. <...> И [девушка] побежала. Он сказал в конце этого ручейка [и бежит от нее]. Я вбегаю, он бежит куда-то по улице. Петлять можно. Я его догоняю, и мы становимся [вместе] сюда. А уже тот, с которым я стояла, он „женится“, то есть кричит имя другой девушки»³².

На посиделках, где собиралось большое количество девушек, могли проводиться игры, включавшие элемент инициационного испытания. Например, в селе Беловка Сакмарского района была записана игра «Кули валяли». «Играли на вечёрках и „кули валяли“. Это уж, когда останемся одне, и „кули валят“. Двое вот лягут [параллельно друг другу] лицом вниз, вот так руки делают

[вдоль тела или вытягивают вперёд]. А одна — наверх. А второй подыматево. Девчата только играли. А один ложится поперёк [тот, что наверх, ложится поперёк тех двух], голова у меня, а ноги тоже там верхи — это назывались „кули”. А вторая старалась ево поднять [ту, которая поперёк лежит]. Я, значит, её подняла, я ложусь поперёк, она, значит, меня подымает. А потом эти две [что внизу лежали] встают, а эти упали. А те, кто лежали: одна поперёк, а другая — подымает»³³. Несомненно, эта игра носила испытательный характер, так как участницы должны были продемонстрировать свои умения и навыки, выполнить все движения правильно, чтобы не причинить боли другим игрокам и не оказаться в смешном положении.

Трапеза

В ряде мест неременной составляющей летних и зимних посиделок с работой и без работы была совместная трапеза ее участников. Так, например, в селе Соболево Первомайского района летом «собирались дома с угощением». В большинстве случаев участницами угощений были только девушки. В Дедуровке (Оренбургский р-н) девушки иногда не оповещали парней о предстоявшей посиделке, в этом случае они обязательно готовили угощение и подготавливали для посиделки настойку на растительном корне. Во многих местах посиделки заканчивались трапезой. В Илекском районе во время уборки помещения хозяйка съёмной «квартиры» готовила из принесенных девушками продуктов (тыквы, картофеля и других овощей) блюда, которыми и угощались участницы посиделки. В Челябинском районе на попрядах хозяйки угощали девушек пирогами и самогоном. В Сакмарском районе девушки устраивали ужин после ухода парней.

В поселке Краснинском Челябинской области «вечорки с пирогами»³⁴ начинались после Кузьминок, тогда как собрания в домах проводились с Покрова. На такие вечорки девушки сами готовили пироги и приносили их, чтобы угостить подруг.

Совместная трапеза была характерна и для так называемых «вечёрок с петухами» и «вечёрок с арбузами», которая была зафиксирована у русских переселенцев в селе Первая Григорьевка Сакмарского района. Эти вечера проводились только осенью, а обязательными блюдами на них были петушиное мясо, молочные продукты и блины, а также арбузы — в период их сбора. Продукты приносила каждая девушка. «Вечёрки с петухами» и «вечёрки с арбузами» можно отнести к обрядовым молодежным собраниям (см. выше). К этому типу посиделок относятся также святочные и предсвадебные посиделки.

Ночевки

Во многих местностях характерной чертой посиделок были ночевки в снятой избе девушек и парней или только девушек. В Сакмарском районе Оренбуржья девушки, собираясь на посиделку, брали с собой подстилки для ночлега, после ужина они устраивались спать прямо на полу, подстилая кошмы или верхнюю одежду.

В Челябинской области в 1920–1930-х гг. на ночевки оставались и парни и девушки. Очевидцы писали, что на супрядках, «когда надоест развлекаться и все утомится, то гасят огонь, и девицы вместе с парнями ложатся спать на разосланном войлоке или одеяле. Тут опять в ночной тишине продолжаются объятия и поцелуи со шмарами, и в конце все засыпают. Рано утром, до появления взрослых на улице молодежь расходится»³⁵.

В селе Нязепетровское Челябинской области совместные ночевки парней и девушек просиходили следующим образом: «А потом [парни] начинают нас вечером отводить и спрашивать: „Ты меня ночевать оставишь?“ — Ну, если он мне понравится, я оставлю его ночевать, у хозяйки прямо. Постелем постель — может штуки четыре нас, или пять, только. Чтобы мы были рядом... Спали, обнимались, целовались, а на другой день этого парня и не надо. На вечерках на следующий день другой подходит, другого оставит. Парни тоже выбирали: какая девушка нравится, какая не нравится»³⁶.

Драки

На Южном Урале, так же как и во многих других местах проживания русских, драки являлись непременной составляющей праздничных летних гуляний молодёжи.

Драками принято называть противоборства в среде неженатой мужской молодежи, которые происходили в праздники, и, как правило, сопровождали летние гулянья. Они являлись одним из основных признаков молодёжной группы и территориальной группы населения. В драке противоборствующими сторонами могли быть парни, проживавшие на разных концах или в разных районах одного поселения, а также в разных деревнях или селах. Нередко парни двух-трех небольших деревень выступали сообща против парней другой группы деревень или одного, более крупного поселения. Чаще всего драки описывались следующим образом: «стенка на стенку идут», «край на край». Драка позволяла каждому молодому человеку показать свою физическую силу, смелость, смекалку, достоинство, умение владеть оружием. В драках парни должны были проявить себя и как коллектив, спло-

ченный, умеющий действовать сообща, всегда готовый прийти на помощь своим. Это, безусловно, имело важное значение для формирования общественного мнения о поселении, о его жителях и о каждом молодом человеке.

Несомненно, драки парней были связаны с кулачной борьбой, носившей на Южном Урале обрядовый характер. Кулачные бои или (как их называют в разных районах Оренбуржья) «кулачки» происходили только на Масленицу (Пономаревский, Шарлыкский р-ны) или на Троицу (Оренбургский р-н). В них участвовала не только неженатая молодёжь, но и женатые мужчины и даже старики. Во время «кулачек» действовал определенный регламент вступления в драку разных возрастных групп и правила борьбы.

Драки обычно воспринимались как «бои без правил». Тем не менее во многих местностях традиционно были определены некоторые положения, принимаемые всеми и соблюдаемые дерущимися: «бились группами, на одного не нападали», «ногами не дрались, только кулаками и досками» (с. Нижний Уфалей).

В драке, как и в кулачном бою, могли состязаться исключительно на кулаках. В отличие от «кулачек», в драках нередко применяли дополнительные орудия. В качестве такового в драке могли использовать подручные средства — палки, камни, доски из заборов и штакетников. В ряде местностей в драках использовали специальные приспособления и оружие, подготовленные парнями заранее. Например, вырезались палки, длиной около 70 см. Оружием в драке служили «гирьки», они представляли собой магазинные гири, привязанные на резинке; резинку закрепляли на запястье руки, и гирьку прятали в рукав. В разгар драки гирька выпускалась из рукава и становилась страшным орудием, так как была тяжела и метнуть ее можно было довольно далеко и довольно точно. Среди оружия были и ножи.

Поводом для драки могли послужить ухаживания за местными девушками парней из чужой территориальной группы. Однако зачастую выяснения отношений между парнями определенных поселений — давняя традиция. Противоборство неженатой молодежи начиналось обычно со школьной скамьи и продолжалось затем во время встречи на гуляньях, праздниках, в клубах.

Драка начиналась обычно «с задирания» противоборствующих сторон друг друга. Парни случайно или специально задевали будущего противника плечом, реже рукой, оскорбляли словесно. В качестве «задирок» и оскорблений использовали частушки:

А наземские ребята ходят наряженные,
А в кино берут билеты самые дешевые
(Назем — район Верхнего Уфалей)

Нам хотели запретить по Наезмочке ходить,
Стены камены пробьем,— по Наезмочке пройдем!³⁷

¹ Голубых М.Д. Казачья деревня. М.; Л., 1930. С. 178.

² Там же. С. 179–180.

³ Там же. С. 180.

⁴ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 164. Л. 210.

⁵ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 164. Л. 212.

⁶ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 221. Л. 12.

⁷ Голубых М.Д. Указ. соч. С. 179.

⁸ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д.

⁹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 143. Л. 90–91.

¹⁰ Голубых М.Д. Указ. соч. С. 176.

¹¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 205.

¹² Зеленин Д.К. У оренбургских казаков // Этнографическое обозрение. 1905. № 4. М., 1906. С. 67.

¹³ Там же.

¹⁴ Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знаменем и картой/ Составил войсковой старшина Ф. Стариков. Оренбург, 1891. С. 218.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 196. Л. 13.

¹⁶ Голубых М.Д. Указ. соч. с. 179.

¹⁷ Там же. С. 181.

¹⁸ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 221. Л. 13.

¹⁹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 163. Л. 184.

²⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 196. Л. 74

²¹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 164. Л. 229.

²² Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 205.

²³ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 196. Л. 118.

²⁴ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 168. Л. 62–63.

²⁵ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 169. Л. 105.

²⁶ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 163. Л. 185.

²⁷ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 163. Л. 184об.-185.

²⁸ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 163. Л. 107 об.

²⁹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 11.

³⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 196. Л. 13.

³¹ Черемшанский В.М. Указ. соч. С. 205.

³² АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 170. Л. 28.

³³ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 141. Л. 181об.-182.

³⁴ Там же. Д. 196. Л. 107.

³⁵ Голубых М.Д. Указ. соч. с. 180.

³⁶ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 221. Л. 66.

³⁷ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 196. Л. 8.